

ОПРЕДЕЛИТЬ ПРОТИВНИКА И НАЗВАТЬ ЕГО ПО ИМЕНИ

Николай Николаевич Казанский

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный
университет
Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)
nkazansky@iling.spb.ru*

В докладе планируется рассмотреть строение речи Елены в сцене тейхоскопии (*Il.* 3, 167 сл.), когда она рассказывает Приаму о греческих героях, называя их по имени и используя указательное местоимение *οὗτος*, которое обладает высокой степенью определенности.

Дейксис привлекает внимание исследователей особенно в последнее время, в связи с нарратологией и грамматической семантикой. Анализируя употребление указательного местоимения *οὗτος*, Э. Баккер в специальной статье (Bakker 1999: 6) обратил внимание на несколько обстоятельств. В разделе «Dialogic deixis in characters' speech» он отметил, что употребление местоимения *οὗτος* бывает только дейктическим, и указывает на находящееся перед глазами здесь и сейчас¹ в отличие от *ὄδ᾽ε*, которое может быть также анафорическим, отсылая к чему-то уже прежде упомянутому в авторском рассказе. Именно поэтому местоимение *οὗτος* обычно встречается в прямой речи персонажей или при пересказе этой прямой речи. В последнем случае бывает непросто отличить речь повествователя (Гомера) от речи персонажа (Демодока), ведущего повествование о Троянской войне.

В качестве показательного примера Баккер разбирает диалог Елены с Приамом, попросившим назвать по имени греческих героев, которые находятся у них обоих перед глазами (*Il.* 3.166–167):

¹ Нечто «is really there, here and now», добавляя «[a]s such it is part of the system for “place deixis” in Ancient Greek».

ὥς μοι καὶ τόνδ' ἄνδρα πελώριον ἐξονομήνης
ὅς τις ὄδ' ἐστὶν Ἀχαιῶς ἀνὴρ ἥδ' ὅς τε μέγας τε.

...имя величеством дивного мужа:

Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?

(Пер. Н. И. Гнедича).

По мнению Э. Баккера, у Приама еще нет возможности прямо указать на Агамемнона, поэтому он и обозначает его местоимением *ὄδ'*, хотя он и Елена видят греческих героев. Только в ответе Елены появляется прямое указание, когда она говорит (Ил. 3.177–78): *οὗτός γ' Ἀτρεΐδης εὐρὸν κρείων Ἀγαμέμνων* 'Муж сей есть пространнодержавный Атрид Агамемнон' (пер. Н. И. Гнедича).

Баккер подчеркивает, что *οὗτος* выполняет здесь чисто дейктическую функцию без намека на анафорическое употребление. Как можно видеть из приведенного примера, анафорическая функция местоимения *ὄδε* выводится не до конца ясным способом: анафора заключается в том, что Приам выделяет из числа героев одного, видом подобного царю, и спрашивает его имя.

Э. Баккер обратил внимание, что известное противопоставление в употреблении определенного артикля *ὁ* и указательного местоимения *οὗτος*, обычное в ионийско-аттическом диалекте, обнаруживается уже в текстах Гомера, хотя *οὗτος* встречается по преимуществу в речи персонажей. Это противопоставление отмечали уже античные грамматик, например, Присциан (Prisc. Inst. Gramm. 29 = GL III 126, 20), комментируя строку Гомера Od. XVI 317 *οἱ δὲ δύο σκόπελοι ὁ μὲν οὐρανὸν εὐρὸν ἰκάνει*², замечает: «sed interest etiam hoc, quoniam apud illos ὅς loco etiam pronominis accipitur demonstrativi, quod significat apud nos 'hic', οὗτος ('но присутствует также разница, поскольку у них ὅς допускается вместо указательного местоимения, то, что у нас обозначает *hic* 'этот' — *οὗτος*').

Заметим, что отождествление лат. *hic* и греч. *οὗτος*, предложенное в рамках градуальной оппозиции по шкале «близость–дальность», находит подтверждение и в дейксисе, связанном с лицом, где оба местоимения — лат. *hic* и греч. *οὗτος* — относятся ко второму лицу, ср. у Бругмана (Brugmann 1904) деление местоимений по принципу Ich-Deixis (*Ὁδε* = *ἐμός*), Du-Deixis (*οὗτος*), Jener-Deixis (*ἐκεῖνος*). Связь местоиме-

² После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна...

(Пер. В. А. Жуковского).

ния *οὗτος* со вторым лицом поддерживает и этимологический анализ слова: $\acute{o}+v+to < *so-(a)u-to-$, поскольку $*so-/to-$ относится ко второму лицу, что подчеркивает Клейн (Klein 1996: 35), опираясь на ведийское употребление указательного местоимения *sa*.

П. Шантрэн в Гомеровской грамматике отмечает (Chantraine 1953: II 169 # 252), что местоимение *οὗτος* в поэмах Гомера обозначает достаточно близкий объект и часто согласуется со 2 л.: *Il.* 10 82 *τίς δ' οὗτος κατὰ νῆας ἀνὰ στρατὸν ἔρχεται οἶος* ‘кто это идет один между кораблей по военному стану’, что обозначает, собственно ‘кто ты, который идешь один...’. Другие примеры применительно ко 2 л. — *Il.* 7. 110 *Od.* 2. 40; 2. 306. Такое употребление обычно для *οὗτος* в ионийско-аттическом диалекте. В редких случаях *οὗτος* обозначает достаточно удаленный объект, что Шантрэн рассматривает в соотношении с *ὄδε* и *ἐνθα*. Местоимение *ὄδε* обычно относится к тому, что следует, а *οὗτος* отсылает к предшествующему. Шантрэн отмечает *τοῦτο* как совершенно неожиданное в стихе Илиады *Il.* 3. 177 *τοῦτο δέ τοι ἐρέω ὃ μ' ἀνείρεαι ἠδὲ μεταλλᾶς*, где *τοῦτο* стоит вместо ожидаемого *τόδε* в начале речи Елены с обещанием рассказать обо всех ахейских предводителях. В этой же сцене местоимению *ὄδε* в вопросе Приама (*Il.* 3. 167) соответствует местоимение *οὗτος* в ответе Елены (*Il.* 3. 178). Э. Баккер, специально занимавшийся дейксисом в гомеровских поэмах, именно этот пример рассматривает как основной при определении речевого дейксиса, совершенно справедливо подчеркивая роль местоимения *οὗτος* в диалоге при указании на предмет или лицо, находящиеся у обоих перед глазами:

*τοῦτο δέ τοι ἐρέω ὃ μ' ἀνείρεαι ἠδὲ μεταλλᾶς·
οὗτός γ' Ἀτρεΐδης εὐρὸν κρείων Ἀγαμέμνων,
ἀμφοτέρων βασιλεύς τ' ἀγαθὸς κρατερός τ' αἰχμητής·
δαῖρ' αὐτ' ἐμὸς ἔσκε κυνώπιδος, εἴ ποτ' ἔην γε.*

Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:

Муж сей есть пространно державный Атрид Агамемнон,

Славный в Элладе, как мудрый царь и как доблестный воин.

180 Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!

(Пер. Н. И. Гнедича).

Употребление местоимения преимущественно в речи персонажей сформулировано в работах Э. Баккера со всей определенностью. Это наблюдение, безусловно, правильно, но мне хотелось бы привлечь внимание к особому употреблению местоимения *οὗτος*, которое отмечено

уже в Гомеровской грамматике Шантрена, как обычному по отношению к врагам³ *Il.* 5. 257, 22. 38, а также «с оттенком презрения *Il.* 5. 761 (ср. 831, 879); *Od.* 1. 159» (Chantraine 1953: II, 169).

Мне представляется, что в основе такого семантического нюанса лежит более общая семантика, основанная на противопоставлении «мы vs. другие». В таком случае получается, что местоимение *οὗτος* в речи Елены лишний раз подчеркивает ее принадлежность к стану троянцев. В частности, трижды употребленное *οὗτος* в формульных выражениях с именами героев⁴, превосходно вписывается в тройной фольклорный повтор.

Именно поэтому, когда нужно добавить Идомедея, он вводится иначе:

*Ἰδομενεὺς δ' ἑτέρωθεν ἐνὶ Κρήτεσσι θεὸς ὡς
ἔστικ', ἀμφὶ δέ μιν Κρητῶν ἀγούι ἠγυρέθονται.*

Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идомедей, и при нем предводители критян толпятся

(*Il.* 3 330–331).

(Пер. Н. И. Гнедича).

Комментарий (Kirk 1985: I 298) отмечает, что Елена специально переводит речь на Идомедея и четыре раза упоминает Крит, возможно, для того, чтобы не упомянуть, например, Диомеда.

Называние героев может отражать более раннее и древнее фольклорное начало, вплетенное в третью песнь Илиады. Имя противника при описании единоборств находит параллели и в фольклоре, и в реальной истории.

Я предполагаю, что основу для диалога составил традиционный фольклорный текст, вложенный в уста Елены. В этом тексте *οὗτος* обозначало врага, как это часто бывает в эпосе, но при использовании в ее речи требовалось смягчить враждебность по отношению к грекам. Обращалось внимание на подбор персонажей, но не на обозначение их как врагов. Между тем, именно для того, чтобы сделать психологически более достоверной картину, в начале сцены показаны нежные семейные отношения Приама и его невестки («моя дочь», «мой свекр»), а также

³ Ср.: *Il.* 5 257, а также *Il.* 22, 38. Имеется в виду Ахилл, когда Приам просит Гектора не ждать «этого человека» (= самого страшного врага) в поле один на один.

⁴ На это обратил внимание Адам Пэрри (Parry, 1966: 198), который отметил строгую формульность ответов Елены *Il.* 3 178 *οὗτός γ' Ἀτρεΐδης*, *Il.* 3 200 *οὗτος δ' αὖ Λαερτιάδης*, *Il.* 3 229 *οὗτος δ' Αἴας ἐστί*.

не случайно Елена бесстрашно вспоминает Агамемнона как деверя, свою дочь от брака с Менелаем. В этот момент она троянка и жена троянца, дающая, впрочем, жесткую оценку своим поступкам.

Психологизм строится на этом противопоставлении формул традиционного эпического описания противника и принадлежности Елены обоим мирам. Разговор Приама с Еленой полон психологически трудных стыковок, которые начинаются с первых слов, обращенных к Елене:

*δεῖρο πάροιθ' ἔλθοῦσα φίλον τέκος ἴζεν ἐμεῖο,
ᾧφρα ἴδη πρότερόν τε πόσιν πηούς τε φίλου τε·*

Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.

Узришь отсюда и первого мужа и кровных, и ближних

(И. 3. 162–163).

(Пер. Н. И. Гнедича).

В Илиаде обращения выполняют важную функцию — и обращение Приама *φίλον τέκος* (И. 3. 162) ‘моя дочь’ не препятствует Приаму прямо говорить о ее предыдущем муже и его родне («твои милые свойственники» = «твои родственники по предыдущему мужу»), приглашая Елену сесть с ним рядом, чтобы она могла всех их видеть.

Елена указывает на своего деверя Агамемнона, но не говорит, где Менелай, а упоминает о дочери. Выполняя просьбу Приама, она называет по именам ахейских героев, причем каждый раз употребляет местоимение *οὗτος*, в котором, как представляется, заключена дистанцированность Елены от греков. Местоимение *οὗτος* в этих контекстах, где речь идет о противниках троянцев, если и не обозначает каждого ахейца как врага, то, по крайней мере, говорит об отчужденности, которая бывает заметна в употреблении этого указательного местоимения.

В ответе Елены (И. 3. 172) обращение «мой свекр» (*αἰδοῖός τε μοῖ ἐσσι φίλε ἐκνρὲ δεινός τε*) сохраняет древнюю метрику, включая воспоминание о начальной группе *sw- в слове «свекр» (*ἐκνρός*), так что появление в стихе формульного *φίλε ἐκνρὲ* приходится отнести к микенскому, а не к эолийскому и, тем более, — не к ионийскому периоду. Этот традиционный, но нарушающий метрику стиха формульный элемент (ср. Lejeune 1974: 303 о сохранении воспоминания о группе согласных в начале слова — «геминация» в терминах Лежена), соседствует с явным новоделом, каковым является созданная по форме 3 л. *ἐσσι*, во всех и.-е. языках отраженная с одним *-s-: скр. *ási*, лат. *es*, ст.-слав. *еси*, лит. *ési*, греч. аттич. *εῖ* (Шантрен 1953: 172).

Можно представить себе микенский сюжет похищения (или добровольного бегства) женщины на корабле, но трудно думать о психологической разработке темы на том уровне, на котором она представлена в Илиаде: прежний муж, на которого Елена не показывает, но называет Агамемнона, Одиссея и Аякса, а также Идоменея. Нет возможности указать на Ахилла, который гневается и не выходит на поле боя, но нет Диомеда и нет Менелая, с которым предстоит сразиться Парису.

Специально подчеркнем, что на десятом году троянцам уже все греческие герои давно должны были быть известны на поле боя, поэтому приходится думать о переработке какого-то древнего сказания в новых терминах — и с новой целью. Отметим также, что Андромаха, которая выходит к воротам, чтобы увидеть Гектора, и Елена, поднимающаяся на стену, чтобы видеть сражение, в общем замысле поэмы составляют два эпизода, уравнивающих друг друга, в которых проступает открытый Ван Гроннингеном принцип маятника, когда повествование переходит от одной противоборствующей стороны к другой. Воспоминание о Гермione мы находим и в лирической поэзии, например, у Стесихора, но уверенности в древности этой детали, безусловно, придающей психологическую достоверность повествованию, у меня нет.

Само выражение *φίλε ἔκυρε* указывает только на беседу невестки со свекром, что изначально могло быть никак не связано ни с троянской войной, ни с Еленой и Приамом.

Важно, что поэт подчеркивает семейную близость отношений Приама и Елены в самом начале сцены тейхоскопии и прямо показывает, что у Приама нет сомнений в том, что она на стороне троянцев. Как кажется, употребление местоимения *οὗτος* лишний раз это подчеркивает.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Шантрен 1953 — *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. Пер. Я. М. Боровского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.
- Bakker 1999 — *Bakker E. J.* Homeric ΟΥΤΟΣ and the Poetics of Deixis // *Classical Philology*. Vol. 94, No. 1. 1999. P. 1–19.
- Brugmann 1904 — *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg: Karl J. Trübner, 1904.
- Chantraine 1953 — *Chantraine P.* Grammaire homérique. Tome II. Syntaxe. Paris: Klincksieck, 1953.

- GL III — Grammatici Latini ex recensione Henrici Keilii vol. III. (= Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVIII ex recensione M. Hertzii. Vol. II). Lipsiae: B. G. Teubner, 1859.
- Kirk 1985 — *Kirk G. S.* The “Iliad”: A commentary. Vol. 1, Books 1–4. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Klein 1996 — *Klein J. S.* “*Sa-fige*” and Indo-European deixis // *Historische Sprachforschung*. Bd. 109. 1996. S. 21–39.
- Parry 1966 — *Parry A.* Have we Homer’s Iliad? // *Yale Classical Studies*. Vol. 20. 1966. P. 175–216.